

Алексей Герман и Константин Симонов. Отверженный, запрещенный — и обласканный властью. Уволенный со студии режиссер — и маршал

советской литературы. Формально они сотрудничали только на «20 дней без войны». На самом деле их отношения длились целые десятилетия...

Симонов был другим папой. Нет, другом — не могу сказать. Хорошо относился, уважал Юрия Германа как автора «Лапшиной», «Жмакина», «Подполковника»... Потом он мне рассказывал, что представлял папу стариком. А пришел почти пацан, 23 года.

Помню Симонова с детства. В Полярное приезжал — они с папой ходили по частям, гарнизонам, собирали материал для заметок. Однажды папа с Симоновым брали интервью у английских летчиков. Был у них ас экстра-класса лорд Роу. Лорд говорит русским корреспондентам: «Я могу второго пилота пригласить, но вы все равно не напечатаете с ним интервью — вам идеология не позволит». И папа, и Симонов возмущались: «Почему не напечатать?». Пospорили на бутылку виски. Война, спор крупный. «Все дело в том, — разяснил аристократ летчик, — что второй пилот — мой лакей. Вообще-то мы друзья, летаем вместе, жизнью рискуем, но что поделывать, если я — лорд, а он — лакей. По утрам он по-прежнему приносит тапочки, кофе, сигары...».

Еще одно детское воспоминание. Прихожу домой. По нашей квартире (на Марсовом поле) едет женщина на моем велосипеде. Две спицы уже вылетели. А два генерала держат ее с двух сторон, чтобы не упала. Что такое велосипед в 49-м году? Почти «Мерседес». Я замер. Она перехватила мой взгляд, слезла с велосипеда: «Извини, мальчик. Хочешь, денег дам на починку...». Прохожу в комнату, там Симонов, Вирта и мама. Смотрят в окно на совершенно черное Марсово поле. Ни одного фонаря. Симонов стучит по стеклу. Показывает в полную темноту. Мама задумчиво: «Похоже на Париж». Симонов ей отвечает: «Ну что вы, гораздо красивее, Таня, чем Париж». А за окном только темнота и дождь. Сумасшедшие. Потом Вирта — пиджак весь в сталинских премиях, он и летом в жару в таком пиджаке ходил — говорит: «Напишу Сталину, куплю «ЗИС»... Продам «ЗИС» грузинам, заработаю 100 тысяч». В полумраке мерцали их лауреатские знаки — это они с какого-то приема пришли...

Герман снял «Проверку на дорогах» — бескомпромиссный фильм о жертвах эпохи и собственных компромиссах. Про то, как трудно воевалось. Про власовцев, решившихся «кровью искупить» собственное слабодушие. Фильм перепугал начальство. Германа выгнали со студии. Фильм запретили. В то время они много общались с Симоновым.

Александр Петрович Штейн показал Симонову наш фильм «Проверка на дорогах», тогда он еще назывался по-другому. Симонов вызвал меня и Светлану. Тогда он был членом коллегии Госкино, семь раз лауреатом Сталинской премии, секретарем Союза писателей. На моих глазах стал кандидатом в члены ЦК. И вдруг этот «маркиз» и «фон-барон» говорит: «Мне очень важно, чтобы эта картина вышла. Я берусь быть ее куратором, пробивать ее». И подписал письмо в нашу защиту на самый верх.

Симонов пробивал... Пока картину не показали Сулову. Сулов выступил на всесоюзном идеологическом совеща-

нии. Похвалил Озерова за «Освобождение» и закончил: «А в это время в Ленинграде, словно в пику «Освобождению», снята картина «Проверка на дорогах», в которой показывается, что война шла не между нами и немцами, а в своих окопах. Эту картину, товарищи, вы никогда не видели и не увидите». Это был конец.

днях...» я украл из «До свидания, мальчики» Калика. Смутно помнил, что там девочка бежит за поездом. Меня это мучило. В Израиле, встретив Михаила Калика, признался, что, скорее всего, украл тот кадр. Он меня немедленно простил, сказав: «Бери еще, если надо» — и мы выпили. По-

периодически наши отношения становились из рук вон плохими. С одной стороны, он меня спасал, с другой — требовал за это покорности. Но если я не делал поправок для Госкино, почему должен был крошить фильм для Симонова? Он мне как-то сказал: «Мне с таким дерьмом пришлось вчера из-за тебя обедать. А ты не можешь от этого дурака Петренко отрезать сто метров (речь шла о знаменитом монологе летчика Алексея Петренко в фильме «20 дней без войны»). — Л.М.). Приеду, выпрыгну тебя из монтажной — сам отрежу». «Констан-

тин» больше не принимал, ведь знал: все у него прослушивается, просматривается, хотя он был членом ЦК.

Материал «20 дней...» он смотрел отдельными кусками. Почему-то самые лучшие места в картине ему не нравились. Спас наши отношения Товстоногов. Случилось так, что накануне просмотра окончательного варианта картины Симонов приехал на два дня в Ленинград с женой. Вечером пошел в БДТ. Разразился страшный скандал. Товстоногов картину уже посмотрел, она очень ему понравилась. Мне позвонила легендарный завлит БДТ Дина

ботать». Я отвечаю: «Уверю, этого быть не может». Блинов привозит меня и Светлану к Симонову: «Вот вы обижаетесь, а Алексей хочет с вами работать». Симонов как забегает, закричит: «Никогда, никогда в жизни с ними больше работать не буду! Я вместо этих «20 дней...» роман написал бы. Они меня выпрыгнули всего! Вымочили!» А через месяц — звонок: «Знаете, что-то мне скучно стало. Давайте-ка действительно вместе поработаем...».

В минуты откровенности он признавался, что стремился вовсе не в ЦК, хотел быть дипломатом. «Но я — Оболенский, Леша. Из тех самых...».

Когда нас выдвинули на Ленинскую премию за «20 дней...», то ленинградский партийгеноссе Романов категорически возражал. Симонов написал протест в Комитет по Ленинским премиям. Дал мне прочитать его, не выпуская из своих рук: «Вы его вырвете — отдадите западной прессе». Я повернулся и ушел.

Но, с другой стороны, я видел бесконечное число инвалидов, которыми он занимался. Помню, сидит злой как волк — мы в очередной раз разругались. Вдруг звонит какой-то человек. Симонов хватается трубку, резко предлагает перезвонить... Какой-то полковник, ослепший на войне, объясняет, что перезванивать ему затруднительно. Тут все кино и закончилось. И наши ссоры. Он занимался только этим человеком.

Было время в работе, когда я его ненавидел. Светлана меня оттаскивала. Сейчас плохое отступило. Я его люблю и безумно жалею. Нам его не хватает. Он мне в трудные мои годы галстук подарил. На счастье. И смотрю — точно такой же галстук висит в шкафу, подарок Симонова отцу в очень трудное для папы время. В эти же трудные времена отец прятался у него на даче. Наивно полагая, что там его не арестуют. И в эти же годы семья Светланы во главе с выброшенным отовсюду А.М. Борщаговским, тогда театральным критиком, жила на деньги, которые давал К.М. Вдове Мандельштама он купил квартиру, и сколько всего такого, что мы знаем и чего не знаем.

Что бы мне про него ни рассказывали, он наделал и плохого немало, но и помогал огромному числу людей. Симонов был крупным человеком. Хорошим поэтом, как мне кажется, подражавшим Киплингу. И действительно любимым народом. Кассиль правильно сказал про «Жди меня»: «Это больше чем стихи. Это заклинание». Он из тех редких людей, с которыми меня жизнь сталкивает все реже и реже...

Теперь я старше Симонова на несколько лет. И Светлана старше. Как у многих людей в этом возрасте, у меня бессонница. И когда лежу ночью, пытаюсь вызвать в памяти ушедших близких и дорогих сердцу людей. Иногда и К.М., как мы его звали. И тогда передо мной возникает лицо не смеющегося человека, а растерянного и несчастливое. То, с каким он приехал к нам по дороге в больницу, из которой уже не вышел, и подарил первый том и подписку на свое собрание сочинений.

● Записала Лариса МАЛЮКОВА, обозреватель «Новой»

Алексей ГЕРМАН:

Сейчас мне 20 не хватает

28 ноября — 90 лет со дня рождения Константина Симонова

Константин Симонов и Алексей Герман во время работы над картиной «Двадцать дней без войны»

том я посмотрел картину. Ничего я не украл. У него далеко-далеко бежит силуэт девочки вдоль моря. У меня на сверхкрупном плане девочка догоняет своего курсанта, и звучит: «Ой вы кони, вы кони стальные». Константин Михайлович требовал эту девочку выбросить. Я завыл: «А кого же вставим?». «Пусть, — говорит, — Вячеслав бежит». Был у нас такой персонаж. Но тут я быстро нашелся: «У Гринько только что инфаркт был. Он не может... за поездом». Так девочка и бежит, замечательная девочка.

тин Михайлович, я сам вас выпрыгну, да вас ни один человек и не впустит в монтажную». Кажется, такие стычки ему почти нравились. Хотя дружил он больше со Светланой (Светлана Кармалита. — Л.М.). Я казался ему человеком ненадежным. После запрета «Проверки на дорогах» мы у него сидели, и я заметил: «Ничего, выгонят этого Демичева». Он удивился: «Почему?». «Украдет что-нибудь. Их же все время выгоняют». — «Что украдет?» — «Ну, курицу, пачку бумаги». Он поблел: «Вы говорите о секретаре ЦК!». И меня за серьезного че-

Шварц. Ее кабинет был рядом с товстоноговским. В телефонной трубке были слышны громкие раскаты этой ссоры. Впрочем, с Симоновым скандалить было непросто. Он лишь «чмокал» своей трубкой. Товстоногов густо орал, что это лучшая картина из увиденных... Но тут есть нюанс. Он орал не вообще, а Симонову в защиту его же, симоновского, произведения. Это произвело должное впечатление. Симонов пошел смотреть кино... И расплакался. Потом сказал: «Прав Товстоногов. У меня всего две картины: «Живые и мертвые» и эта». Тут я заорал: «Магнитофон! Повторите все, что вы сказали!».

Спустя время директор «Ленфильма» Блинов, бывший первый секретарь райкома, говорит: «Симонов обижается, что ты не хочешь больше с ним ра-

«С Симоновым скандалить было непросто. Он лишь «чмокал» своей трубкой»